

В МИРЕ
МУЗЫКИ

Подари песню людям



1.
ВЕДУЩИЙ объявил «Выступает солист Калининской областной филармонии Юрий Марченко». И на сцену вышел молодой, высокий артист. Вот зазвучали первые слова шумановских «Двух гренадеров», и вы с волнением слушаете рассказ о судьбе двух солдат, становитесь очевидцами человеческой драмы. Последний аккорд, звонкий, трагичный, и тишина.

Вы волнуетесь, переживаете за героев, в памяти еще не исчезло видение. И так повторяется, когда Юрий Марченко поет арии Фарлафа и Мефистофеля, короля Рене и Гремина, Ивана Сусанина и донна Базилио. Его репертуар богат многими жанрами: тут и песни «Хотят ли русские войны», «Бухенвальдский набат», и «Баллада об отце и сыне», «Дубинушка» и «Поэма об Украине», романсы Глинки, Чайковского, Шумана, произведе-

ния Даргомыжского и Мусоргского.

II.

НА ЖУРНАЛЬНОМ столике возвышается фигурка Дон-Кихота. Рыцарь печального образа, романтик до мозга костей, человек, верный своим мечтам и идеалам, предстает во всей красе. Я смотрел на его фигурку и думал о мальчишеских годах Юрия.

...Изумленные прохожие поглядывали на многоэтажный дом. Их внимание привлекал звонкий мальчишеский голос, который старательно выводил мелодии песен военных лет. Одна песня сменялась другой. Они еще были очень близки и дороги, эти песни, людям, которые только начинали мирную жизнь, не успев снять фронтовые шинели. А голос звенел и наполнял одну из улиц Новосибирска.

Мать Юрия была недовольна увлечением сына. В семье никогда никто не имел вокальных данных и серьезно не занимался пением. А потому, когда соседка с пятого этажа, профессиональная певица, одобрительно отозвалась о голосе Юрия и посоветовала устроить его в кружок художественной самодеятельности, мать заметила:

— Какой у него голос? Кричит во все горло — и больше ничего. Измучил нас своими «концертами».

И все-таки Юра стал петь в детском хоре кинотеатра «Пионер», потом в Доме культуры жирокомбината, а одновременно занимался в школе художественного воспитания.

Занимательный мир героев, людей ярких, смелых, жизнерадостных открыли мальчишке книги.

Он читал их запоем, бегал в библиотеку чуть ли не каждый день. Ему хотелось быть таким, как Том Сойер и Робинзон Крузо, Метелица и Дмитрий Донской, Чапаев и Котовский. И он им подражал, изобретая незамысловатые костюмы и на ходу сочиняя арии.

Приемная комиссия училища при Московской консерватории с недоверием отнеслась к длинному и очень робкому юноше. Настораживало и лаконичное «нет», стоявшее в графе — какое музыкальное образование имеешь? Не зная нотной грамоты — азбуки певца — и поступать в учебное заведение, куда приходят учиться чаще всего после музыкальных школ и даже училищ — такое случается редко.

Доцент Гуго Ионатович Тиц заинтересовался Юрием Марченко. Он почувствовал, что у него богатый голос, что юноша очень музыкален. Когда он пел, куда девалась робость, откуда брались естественность и непринужденность.

Никто не знал, что Юрию помогал в этом Дон-Кихот — его любимый герой, смелый рыцарь, без страха и упрека, без предрасудков и компромиссов.

III.

ГРАМЗАПИСИ с голосами Шалаяпина и Гмыри, Кривчени и Пирогова... Это не коллекция собирателя пластинок, а учебное пособие певца. Начало оно взяло в детстве. Пронгрыватель в доме Марченко редко умолкал. Порой одновременно с пением знаменитых певцов звучал голос юного слушателя. Парнишка старался выучить мелодию, подражал интонациям мастеров, но это уже была учеба. И сейчас Юрий часто слушает любимых исполнителей.

Марченко пока лишь постигает искусство больших певцов. И делает он это успешно. Особенно знаменателен для него нынешний год. Молодой исполнитель дважды выступал по Всесоюзному радио в сопровождении симфонического оркестра, пополнил свой репертуар многими интересными романсами, ариями из классических

опер, песнями советских и зарубежных композиторов.

А позавчера в Калининской филармонии состоялся сольный концерт Юрия Марченко. Исполнив большую и разнообразную программу, певец доставил слушателям много радости, эстетического наслаждения. Оттого-то так долго и горячо они аплодировали ему.

IV.

«ДНЕВНИК» Делакруа, письма Ф. И. Шалаяпина, стихи увидел я на полках книжного шкафа. Солиста филармонии интересует процесс творчества, секреты, «кухня» служителей искусства. Он берет книгу Делакруа и читает о назначении искусства, о месте его в обществе, об огромном влиянии на жизнь народа. И с восхищением замечает:

— Надо же так точно подметить!

Потом он достает кипу вырезок и начинает говорить о Шалаяпине. Сразу чувствуется, что Юрий преклоняется перед гением Шалаяпина.

Он берет журнал со стихами о Братской ГЭС и начинает читать их. Читает одно, пятое, десятое.

Жена Ольга пытается остановить, отвлечь его от стихов. Но не тут-то было. Он читает громче, увлеченнее, и видно, как волнуют его стихи.

— Я стал бы их петь, — замечает Юрий, — они так и просятся на ноты.

V.

О СЕБЕ Юрий говорит не так охотно, как о своем младшем брате. Он показывает его очень интересные рисунки, наброски.

— Оригинальное видение у него. Надо развивать способности, — приговаривает Марченко, передавая мне рисунки.

И кажется, что Юрий хочет, чтобы судьба у брата сложилась так же интересно, как у него самого.

Заниматься в училище при консерватории — счастье. Проходить военную службу в ансамбле песни и пляски Советской Армии имени А. В. Александрова — удача. В первый год работы после училища попасть к такому музыканту, как ярославский дирижер Юрий Аранович, — тоже удача. Работать в Калининской филармонии, где приходится порой трудно, где много поездок, большая

концертная нагрузка, — тоже радость.

VI.

НА СТУЛЕ, около торшера, — ноты. Будущий репертуар артиста.

— Все это хочется спеть, — говорит он. — Часть вещей уже в работе, другие — в плане.

И опять самые разные произведения: от новинок массовой песни до советской и зарубежной классики.

Мое внимание привлеч необычный учебник. Самоучитель итальянского языка. Я не стал спрашивать о нем у Марченко. Слишком красноречиво было сказано до этого об успехах Миланской оперы.

VII.

Я ШЕЛ слякотными вечерними улицами. Декабрьская капля выстукивала какой-то весенний мотив. Воздух был полон запахов пробуждения природы, хотя стояла середина зимы. От всего вокруг веяло лирической, волнующей музыкой. Хотелось говорить об искусстве, большом, трудном, благородном. Я спросил одного своего знакомого:

— Ты знаешь, что нужно, чтобы родилась песня?

Он флегматично ответил:

— Читал. У Горького.

Помолчав, продолжал:

— Собрались женщины на посиделки. Взяли рукоделие. Руки заняты, а на душе тоска. Плакать хочется. Одна что-то промурлыкала, другая — со словами простонала. И пошло. Сидят и поют, как из души нитку тянут.

Так рассуждал мой знакомый, довольно начитанный, считающий себя культурным человеком. Он мог, хоть разбуди в полночь, называть имя отца Татьяны Лариной, вспомнить, как зовут Иудушку Голылева и перечислить чуть ли не всех героев «Войны и мира». У него в памяти хранятся мелодии распадной Листа и концертов Чайковского. При случае он готов поговорить о жизни Шопена и Рахманинова. А как рождается песня, он так и не понял.

Видимо, ему не довелось встретиться с человеком, который дарит песню людям. Узнать, что песня — это труд. Большой труд, вдохновенный.

Евг. БУТУЗОВ.
Калинин.
Фото Л. Шимановича.